

Космополитинформация

А когда однажды поймёшь, что нет
Ни шиша у тебя в горсти,
Нет патронов, канул последний френд,
Площадь суши начнёт расти.
Одного выносит, как жухлый лист,
В клочьях пены, травы, икры,
А другой встаёт, говорит: я чист;
И оба они мокры.

А третий выходит, бормочет: вот,
Из какой мы, однако, Ж
Выбираемся, кто ж нас теперь возьмёт;
И идёт раздавать ужей.
Мол, тебе ужо и тебе ужо,
Ужо, говорит, вам всем.
...А звезда ползёт золотым ежом
По небу на Вифлеем

Орфей

Пробегают тени сквозь переулок,
Где соседи уводят собак с прогулок.
Отъезжает трамвай, пахнет тёплой мукой из лавок,
Засыпает мой город в высоковольтных лаврах,
Вечереет река; открывается свод над ней,
Тёмно-красный от городских огней.
А на сердце такое — как лампочка в коридоре,
Будто ждало нас, но миновало горе,
Будто кто-то вот-вот похлопает по плечу,
И покажется: я лечу

В утешительных сумерках, в общем заветном лимбе,
Где ещё не воскресли те, кого мы любили,
Но уже не потеряны их часы и альбомы,
Это к ним летим мы, медленны и неуклонны.
Что за гром над рекой, что за свет в пустоте великой?
Это к нам возвращаются наши собаки, книги,
Сияют над головой.
Подумаешь об Эвридике
И до вечера сам не свой.

Это голос её кричит из закатной меди:
«Всё идёт в направлении любви и смерти,
И пока ты шарить будешь ключи в подъезде
Ты летишь, о, ты не стоишь на месте».
... Уплывают ивы, ветками загребая,
А за ними — линия голубая.
Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Ну и вечер.
Ангел мой, мне даже поклясться нечем.

Разве тем, что давно не имеет веса,
Что, казалось, больше не увидишь и не вспомняешь,
А оно воскресло
Прежде других вещей.
Ты прекраснее, чем бабочка породы ванесса,

Чем снежинка бумажная в день бесснежный,
Чем фонарь, загорающийся над головою,
Чем слово «меридиан».

ты всё ещё спишь рассыпается снег
а нечто вершится над нами
и вдруг совершается голубь в окне
и веник еловый в стакане
над крышами носит большую пургу
окно дребезжит на ветру и
мне снится что в этом счастливом кругу
меня распластает витрувий
и господи как же мы станем ясны
каким же наполнятся светом
все лампочки мира все елки и мы
и в тучах плывущая эта
то злая фигня то святая звезда
сродни близнецам да плядам
которая нас возвращает сюда
хоть голубем хоть снегопадом

10 января 2014 года

Фонарь не горит. В темноте начинается год,
Чья краткость рассчитана верно от древних колен до
Еще не рожденных. Моргнешь — и сочельник, и вот —
Вторая календа

Уже различима на следующем рубеже,
Где брезжит какая-то чуждая сердцу свобода,
С потерей гранича, и судьбы полны миражей
Вблизи поворота.

Рождественский дизель пропах кипятком и смолой.
Рокочущим стадом от темного хлева отчалив,
Вагоны выходят, январь унося за собой;
Вагоны в печали.

Печаль их, конечно, светла, как и должно в пути.
Им снится, что чуда не будет, и нечто большое
Уже, вероятно, осталось за цифрой «один»
И запахом хвои.

Тогда, словно снова над крышами всходит трубач,
Январский глашатай, и миру обещаны знаки,
Выходят из полночи ангелы мелких удач,
Стоят в полумраке.

Ночь нежна

Ночь нежна. У побережья вереск.
Vita brevis. Мы, конечно, ars.
Где-то Велес двигает на нерест
Племя звезд, невидимых для нас;

Поздний катер с пристани бормочет;
В лавке крутят “Putting on the Ritz”.
Ночь ценна лишь способом воочью
Наблюдать отсутствие границ,
Из всего, что тянется и длится,
Оставляя части, а от них —
Джаз и лица, только джаз и лица,
С явным преимуществом вторых.

И тогда — из бесконечной сажки
Прочего — является тебе
Разум, порождающий пейзажи
С темным дубом, песней и т.д.

Пой мне, голос, в записи нечёткой,
Радуги вращающийся срез,
Пой мне о безвременье и чём-то,
Также начинающемся с «без»,

Чтобы до утра успеть разглядеть
Этот бред, полуночный угар.
Слушай: ночь нежна, как *ars amandi*.
И прими как данность, а не дар,

Нашу близость, давнюю, наверно,
К той, недосыгаемой на вид,
Области, где чуть колеблем ветром
Парус, и мгновение стоит.